

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-615-624

Научная статья

Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте сирийского кризиса

А.Г. Геворгян

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

The Kurdish Issue in Turkish—Syrian Relations in the Context of the Syrian Crisis

A.G. Gevorgyan

RUDN University, Moscow, Russian Federation

В статье анализируется курдский вопрос в контексте отношений между Турцией и Сирией после начала сирийского кризиса 2011 г. Особое внимание уделено роли, которую играет курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях. Рассматриваются особенности турецкой политики по сирийско-курдскому вопросу и место этого вопроса в системе национальных интересов Турции. Изучаются поэтапное развитие сирийско-курдской политики Турции, развитие отношений между Анкарой и Дамаском в контексте усиления курдского национального движения в Сирии. Исследуется деятельность курдских политических партий и организаций на северной и северо-восточной части и перспектива развития курдского вопроса.

Взаимоотношения Турции с соседними государствами, где проживают курды (Сирия, Иран, Ирак), всегда базировались на курдском вопросе. Вопреки разногласиям между курдскими партиями на Ближнем Востоке курдский вопрос носит региональный характер. Курдский вопрос рассматривается Турцией не только как внутривосточная, но и внешнеполитическая проблема. Турция представляет свою борьбу с курдскими силами РПК как борьбу с террористами. Активизацию политической и военной деятельности сирийских курдов Турция определяет в качестве угрозы своей национальной безопасности.

В течение последних лет турецко-сирийские отношения существенно изменились и трансформировались из стратегического партнерства в военно-политическое противостояние. Вопреки существующим противоречиям у Турции и Сирии имеются общие интересы, в том числе курдский вопрос, стабильность региона, предсказуемость развития политических событий в Ближневосточном регионе, экономические отношения. Однако вне зависимости от результатов сирийской войны Турции нужна предсказуемая Сирия без сильного курдского элемента.

Сирийский кризис дал новые возможности курдам Сирии в плане усиления их позиций, но ясно продемонстрировал существующие на пути создания курдского государства проблемы. В настоящее время сохранение территориальной целостности Сирии позволяет в наибольшей степени учитывать интересы всех сторон, вовлеченных в конфликт, в том числе и внешних игроков.

Ключевые слова: курдский вопрос, Курдистан, Турция, Сирия, турецко-сирийские отношения, сирийский кризис

Для цитирования: Геворгян А.Г. Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте сирийского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 615—624. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-615-624

Abstract. The article is devoted to the Kurdish issue in the context of bilateral relations between Turkey and Syria after the start of the 2011 Syrian crisis. Particular attention is paid to the role of the Kurdish issue in the Turkish-Syrian relations. The author describes the Turkish policy on the Kurdish problem and its place in the context of Turkey's national interests. The article covers gradual development of the Syrian—Kurdish policy of Turkey and dynamics of relations between Ankara and Damascus in the context of strengthening the Kurdish national movement in Syria. The activities of the Kurdish political parties and organizations in the northern and northeastern part and the development perspective of the Kurdish issue are especially analyzed.

© Геворгян А.Г., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Turkey's relations with Syria, Iran, Iraq, where Kurds live, have always been based on the Kurdish issue. Contrary to the differences and conflicts between Kurdish parties in the Middle East, the Kurdish issue is regional in nature. In addition to being a domestic political problem, Turkey considers the Kurdish issue as a foreign policy problem. Turkey presents its fight against the Kurdish PKK forces as a fight against terrorist forces, seeing the intensification of political and military activities of the Syrian Kurds as a direct threat to its national security.

Over the past years, Turkish—Syrian relations have substantially changed and transformed from strategic partnership to military-political confrontation. Despite the existing contradictions, Turkey and Syria have common interests, including the Kurdish issue, the stability of the region, the predictability of the development of political events in the Middle East region, and economic relations. However, regardless of the outcome of the Syrian war, Turkey needs a predictable Syria without a strong Kurdish element.

The Syrian crisis has given new opportunities to the Kurds of Syria in terms of strengthening their positions, but clearly demonstrated the problems existing in the way of creating a Kurdish state. Currently, the preservation of the territorial integrity of Syria allows taking into account the interests of all parties involved in the conflict, including external players.

Key words: Kurdish issue, Kurdistan, Turkey, Syria, Turkish-Syrian relations, Syrian crisis

For citation: Gevorgyan, A.G. (2019). The Kurdish Issue in Turkish—Syrian Relations in the Context of the Syrian Crisis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 615—624. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-615-624

Актуальность темы исследования определяется, прежде всего, необходимостью анализа новой роли курдского фактора на Ближнем Востоке, что является следствием трансформации международных отношений в регионе после событий «арабской весны». В условиях поиска подходов к постконфликтному восстановлению и обеспечению государственной целостности Сирии проблема будущего созданной в марте 2016 г. «Демократической Федерации Рожава — Северная Сирия», этого курдского де-факто автономного образования, становится одной из центральных. Это также один из ключевых вопросов в отношениях между Турцией и Сирией, во многом определяющих перспективы общего разрешения ближневосточного узла противоречий, возникшего в связи с сирийским кризисом.

Целью статьи является выявление особенностей формирования позиции Турции в отношении Сирии и сирийского конфликта в условиях актуализации курдского фактора на Ближнем Востоке.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет комплексный подход, который позволил достаточно полно и достоверно провести многофакторный анализ курдской проблемы как одной из центральных в отношениях между Турцией и Сирией. На основе системного анализа отношений между Турцией и курдами, между Турцией и Сирией в целом оказалось возможным более точно определить особенности учета курдского фактора при формировании турецко-сирийских отношений. Следует отметить, что курдский вопрос традиционно является одним из важнейших и обсуждаемых между Турцией и Сирией.

Речь идет о проблеме обретения курдами политических прав в рамках так называемого этнического Курдистана, который охватывает населённые курдами территории Турции, Ирана, Ирака и Сирии. Сегодня курды являются самой большой этнической группой на Ближнем и Среднем Востоке, не имеющей собственного государства. В ходе сирийского кризиса, в условиях войны, курдское национальное движение сохранило свое значение и претендует на участие в процессах посткризисного обустройства в Сирии.

Турецко-сирийские отношения: от конфронтации к сотрудничеству

Отношения между Турцией и Сирией в XX в. были далеки от добрососедских, между сторонами существовал ряд вопросов, основными из которых являлись: 1) территориальный вопрос, связанный со спорной провинцией Хатай (Александреттский санджак); 2) вопрос распределения вод реки Евфрат; 3) курдский вопрос и вопрос поддержки Сирией Рабочей партии Курдистана (РПК).

В XX в. одной из основных проблем в турецко-сирийских отношениях была аннексия в 1939 г. Турецкой Республикой Александреттского санджака, осуществленная при поддержке Франции, которая стремилась предотвратить возможное вступление Турции в союз с Германией и Италией. Проблема Александреттского санджака является нерешенной, так как Сирия де-юре не признала принадлежность санджака Турции [Сулейманов 2015].

«Евфратский вопрос» между Турцией и Сирией обострился в 1970—1980 гг., когда турецкая сторона приступила к осуществлению проекта

«Юго-Восточной Анатолии» (GAP — Güneydoğu Anadolu Projesi). Этот проект предоставляет Турции возможность полностью контролировать водные ресурсы реки Евфрат [Olson 1997].

Курдский фактор в ряде вышеупомянутых вопросов стал самым острым, в 1998 г. Турция и Сирия оказались на грани войны из-за оказываемой Сирией поддержки курдам. Сирия в 1990-е гг. превратилась в некий плацдарм для деятельности курдских повстанческих боевых организаций, лидер РПК А. Оджалан вплоть до 1998 г. находился в Сирии [Gunes, Lowe 2015]. После долгого переговорного процесса Анкара и Дамаск подписали Аданское соглашение, согласно которому на территории Сирии были закрыты несколько баз и тренировочных лагерей РПК, были заблокированы все счета организации¹.

Курды и курдский вопрос в Сирии до начала «арабской весны»

Курды являются крупнейшим этническим меньшинством в Сирии, составляют около 10—15% населения страны (от 1,5 до 2,5 млн чел.) [Дюрре 2017].

24 июня 1923 г. в Лозанне был зафиксирован раздел территорий проживания курдов, в результате которого юго-западная часть этнического Курдистана окончательно отошла к Сирии.

Курды, проживающие на территориях подмандатной Сирии, настаивали на том, чтобы Франция как мандатарий приступила к решительным действиям по созданию автономии. Само понятие автономии включало следующее: управление данным районом представителями курдского народа; формирование воинских подразделений и отрядов полиции из курдов; перевод делопроизводства на этой территории на курдский язык; в учебных заведениях обязательное преподавание курдской филологии, литературы, истории, культуры и т.д. [Загорнова 2004].

Курдам не были предоставлены привилегии широкой автономии. После приобретения независимости Сирией в 1941 г. курды также не получили никаких национальных прав, курды признавались или арабами, или чуждыми элементами.

¹ См.: Гурьев А.А. О турецко-сирийских отношениях // Институт Ближнего Востока. 17.06.2005. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3651> (дата обращения: 27.08.2018).

В частности, в 1962 г. сирийское правительство провело перепись населения на северо-западе страны, по итогам которой было принято решение о лишении гражданства 120 тыс. курдов. Таким образом, значительное количество курдов Сирии (около 20%) остались без гражданства. На 2008 г. в Сирии числилось не менее 280 тыс. курдов — не граждан и «скрытых» граждан [Radrey 2016].

В 1963 г. пришедшая к власти партия «Баас»² пошла по пути ограничений и политики ассимиляции: начались переселения арабского населения в пограничные курдские районы, преследовались курдские политические деятели, образование на курдском языке было запрещено, право на проведение празднеств и собраний было ограничено.

Несмотря на проводимую по отношению к курдам политику Сирии, курды делают шаги для самоорганизации, и движение постепенно набирает обороты. Успехи курдских сил в северной части Сирии в контексте «арабской весны» вынудили сирийское правительство предоставить 200 тыс. курдам гражданство, стремясь предотвратить переход курдов на сторону оппозиции.

Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях после начала сирийского кризиса

Турецко-сирийские отношения в начале XXI в., после беспрецедентного обострения в 1998 г., развивались довольно быстро. Экономические и политические связи укреплялись, особенно после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в ноябре 2002 г.

Этот процесс усиливался и после прихода к власти в Сирии Башара Асада. Особенно важным считается исторический визит в Турцию сирийского президента в январе 2004 г. Этот визит был первым со времен завоевания Сирией независимости. В интервью арабским СМИ Б. Асад подчеркнул, что «нынешнее состояние сирийско-турецких отношений отличается пе-

² Партия арабского социалистического возрождения — Баас — политическая партия, идеологией которой является баасизм, представляющий собой синтез арабского социализма, панарабизма и антиимпериализма. Имеет отделения в Сирии, Ираке, Алжире, Бахрейне, Египте, Иордании, Кувейте, Ливане, Ливии, Мавритании, Палестине, Судане, Тунисе и Йемене.

реходным состоянием от обоюдного недоверия к атмосфере полного взаимного доверия»³.

Проводимая сирийская политика Турции была частью внешней политики, которая была основана на концепциях «архитектора» внешней политики Турецкой Республики Ахмета Давутоглу. По своей сути это означало стремление Турции вернуться к той лидирующей роли в регионе Ближнего и Среднего Востока, которая была у Османской империи [Davutoğlu 2011: 408].

Сирийская политика Турции также была частью той внешней политики, которая основана на концепции «стратегической глубины», подразумевающей формирование внешнего пояса безопасности. Турция напрямую заявила, что стремится руководить процессом демократизации в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Турецкое руководство также заявляло, что «турецкая модель» демократизации и модернизации будет распространяться по всему региону и превратит Ближний Восток в более стабильный, безопасный и мирный регион [Аватков 2012b].

Анализ развития турецко-сирийских отношений и проводимой курдской политики Турции в Сирии позволяет разделить турецкую курдскую политику на три этапа.

Первый этап

До начала гражданской войны в 2011 г. сирийская политика Турции считалась крупным успехом турецкой внешней политики. Поэтому, когда началось восстание, Турция оказалась в неловкой ситуации. С одной стороны, она хотела сохранить экономические и политические достижения, полученные в предыдущие годы, с другой — поддержка так называемого «авторитарного режима» Б. Асада повлияла на престиж страны в арабской общественной среде [Öniş 2014].

Изначальная реакция Турции на сирийский кризис заключалась в попытке убедить Дамаск пойти навстречу требованиям народа. Р.Т. Эрдоган объявил, что с Б. Асадом обсуждались вопросы скорой реализации социальных, экономических и политических реформ, Турция предложила

³ Ахмедов В.М., Кулагина Л.М. Сирия, Турция и Иран: новые подходы к межрегиональному сотрудничеству // Институт Ближнего Востока. 17.01.2005. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3433> (дата обращения: 28.08.2018).

соседу свою помощь для достижения эффективных изменений [Taşpınar 2012].

По мере усиления так называемой оппозиции Турция резко изменила подход. Она начала принимать и вооружать членов сирийской оппозиции, в частности «Братьев-мусульман». Разрывая связи с Дамаском, Турция призывала к смене режима и поддерживала оппозицию, полагаясь на то, что режим баасистов скоро падет [Bishku 2012]. Турция начала приближаться к суннитским странам региона (Саудовская Аравия и Катар) и к наиболее активным в регионе западным странам (США, Франция и Великобритания), но при этом Турция отдалась от Ирана и России, которые поддерживали сирийский режим.

Несмотря на сильное давление на Б. Асада, его режим устоял в основном благодаря поддержке Ирана и России, а Сирия восстановила контроль над частями ранее утраченной территории. Конфликт продолжался, провоцируя собой ряд серьезных рисков для Турции. Когда Сирия летом 2012 г. сбивла самолет F4 Phantom турецких ВВС⁴, Анкара попросила НАТО о военной помощи [Hinnebusch 2015]. Это решение означало ухудшение отношений с соседями. Комментируя просьбу Турции, начальник штаба иранских вооруженных сил Хасан Фирузабади предупредил, что развертывание ракетной системы НАТО в Турции может спровоцировать новую мировую войну⁵.

В результате войны с террористическими организациями усиливались позиции сирийских курдов. Ключевую роль в национальном движении сирийских курдов играл Демократический союз Курдистана [Багдасаров 2016: 123—149], который по многим данным был очень тесно связан с Рабочей партией Курдистана⁶.

Фактически курдские военные силы на территории Сирии и Ирака на протяжении послед-

⁴ См.: МИД Сирии: Турецкий самолет был сбит ствольной системой ПВО // РБК. 25.06.2012. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/06/2012/5703f9819a7947ac81a695be> (дата обращения: 26.08.2018).

⁵ См.: Patriot Missiles in Turkey Threaten 'World War:' Iran Army Chief // Reuters. December 15, 2012. URL: <http://reut.rs/U0MkSA> (accessed: 25.08.2018).

⁶ См.: Иванов С. Федерализация Сирии — путь к ее спасению // Kurdistan.ru. 27.06.2012. URL: http://kurdistan.ru/2016/04/27/articles-26363_Federalizaciya_Sirii_put_k_ee_spaseniyu.html (дата обращения: 25.08.2018).

них лет оставались наиболее эффективным противником в борьбе с региональным терроризмом. На севере Сирии против ДАИШ (ИГИЛ, ИГ, «Исламское государство»)⁷ боролись курдские ополчения Отряд народной защиты — YPG (далее — YPG) и Отряды по защите женщин — YPJ (далее — YPJ), которые по разным данным тесно связаны с РПК и получают поддержку от нее.

До сирийского кризиса ПСР использовала примирительный подход к курдским требованиям в Турции, в том числе к предоставлению права на использование родного языка. Партия также стремилась договориться о прочном мире с РПК. Прекращение огня и мирный процесс начался в 2013 г., когда была разработана дорожная карта, где курдская сторона и власти Турции брали на себя обязательства, направленные на решение затяжного конфликта, но впоследствии стороны не раз обвиняли друг друга в невыполнении соглашений.

На начальном этапе сирийского кризиса Турция занимала умеренную позицию в отношении партии «Демократического союза» — PYD⁸ (далее — PYD). Анкара позволила PYD и ее членам работать на турецкой территории и поддерживала диалог с группой. В то же время Р.Т. Эрдоган использовал свою личную связь с Масудом Барзани, президентом Регионального правительства Курдистана (КРГ) на севере Ирака, чтобы предотвратить установление полного контроля PYD над северо-восточной Сирией [Вертяев, Жигалина, Иванов 2013: 103—104].

В 2013 г. были предприняты первые попытки взаимодействия с представителями курдов. Так, в июле 2013 г. лидер «Демократического союза» Салих Муслим встретился в Стамбуле с представителями турецких властей для обсуждения сирийского кризиса⁹.

После вывода центральными властями сирийских сил из курдских регионов курды создали самоуправляющуюся администрацию. 21 июля

2013 г. PYD объявила о создании курдской конституции из 96 статей. Согласно этой конституции, Сирия является независимой, демократической страной с федеративной системой управления, а «Западный Курдистан» — частью федерации [Radpey 2015].

В январе 2014 г. курды Сирии объявили о создании на севере Сирии курдской автономии под названием Рожава (курд. «запад», то есть Западный Курдистан). Провозглашенная автономия включала в себя три кантона — Джазира, Кобани и Африн, которые не связаны между собой. Ключевую роль в управлении кантонами продолжала играть PYD и ее вооруженные отряды, что было воспринято другими курдскими партиями и лидером Иракского Курдистана М. Барзани как узурпация власти. Под влиянием этих событий позиция Турции подверглась изменениям.

Турция, 12 млн населения которой составляют этнические курды, увидела в этом угрозу возможного объединения сил турецких и сирийских курдов, а также создания независимого курдского государства [Halhalli 2018].

Впоследствии Анкара ужесточила риторику в отношении «Демократического союза», причислив его к террористическим организациям. В свою очередь, курды обвинили Анкару в поддержке террористов¹⁰.

Эти события стали определяющими в политике Турции по курдскому вопросу. Турция перешла к новой, более жесткой политике по отношению к сирийским курдам, так как замечала усиление позиций курдов на своей границе.

Второй этап

В 2014—2015 гг. положение сирийских курдов ухудшилось в связи с участвовавшими атаками террористических группировок, в частности ДАИШ. В этих условиях курды заключили перемирие с правительственными войсками, чтобы получить возможность сосредоточить ресурсы для борьбы с террористами. Благодаря поддержке

⁷ Организация запрещена в РФ.

⁸ Партия «Демократический союз», также Партия демократического единства (курд. Partiya Yekîtiya Demokrat, сокращенно PYD).

⁹ См.: Warning to the PYD // Daily Sabah. July 28, 2013. URL: <https://www.dailysabah.com/world/2013/07/28/warning-to-the-pyd> (accessed: 27.08.2018).

¹⁰ См.: Spencer R. Turkey Accused of Allowing Islamic State Fighters to Cross Its Border in Kobane Attack // The Telegraph. June 25, 2015. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/11699969/Turkey-accused-of-allowing-Islamic-State-fighters-to-cross-its-border-in-Kobane-attack.html> (accessed: 28.08.2018).

стран коалиции во главе с США, а также отрядам иракских курдов «пешмерга» сирийским курдам удалось добиться успехов [Stansfield 2017].

Наиболее значимой победой стало освобождение в январе 2015 г. города Кобани, который на протяжении четырех месяцев находился под осадой боевиков. Но уже с начала июня 2015 г., после парламентских выборов, прокурдская Демократическая партия народов получила значительное число мест в турецком парламенте, не позволив Партии справедливости и развития получить парламентское большинство [Gunes, Lowe 2015].

Турецко-курдское относительное «перемирие» изменилась после теракта 20 июля 2015 г. в уезде Суруч турецкой провинции Шанлыурфа. Вооруженные силы Турции нанесли несколько авиационных ударов по позициям боевиков ДАИШ вдоль сирийско-турецкой границы. Однако, как утверждают курды, под предлогом атаки позиций террористов турецкая авиация нанесла удары и по позициям курдов¹¹.

Доказательством того, что Турция рассматривала усиление курдов как угрозу реального создания независимого курдского государства, является заявление Р.Т. Эрдогана от 27 июня 2015 г. о том, что Турция никогда не допустит создания государства на границе с Турцией и готова бороться любой ценой¹².

Турция всегда выступала с той позиции, что ее атаки против курдских сил имеют целью защитить национальные интересы Турции. После этих событий последовало сообщение РПК, согласно которому соглашение о прекращении огня потеряло всякий смысл в сложившейся политической ситуации. После этого заявления РПК многочисленные курдские силы начали контрдействия. Оппозиционные настроения в Турции начали усиливаться, и это уже означало конец перемирия¹³.

¹¹ См.: Курды в Сирии обвиняют Турцию в агрессии против них // BBC News. Русская служба. 27.07.2015. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/07/150727_turkey_syria_no_ground_troops (дата обращения: 28.08.2018).

¹² См.: Turkey Will 'never allow' Kurdish State in Syria // Middle East Eye. June 27, 2015. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-will-never-allow-kurdish-state-syria-erdogan> (accessed: 28.08.2018).

¹³ См.: Mohammed A. S. How Renewed Turkey — PKK Conflict Threatens the KRG // ALMONITOR — The

В октябре 2015 г. вооруженные формирования РYD и ряда арабских и ассирийских партий сообщили о создании военного альянса «Силы демократической Сирии» (СДС), а в декабре 2015 г. — о создании политического совета этой структуры [Phillips 2015].

Официально СДС является полиэтническим, многоконфессиональным альянсом, действующим на севере Сирии и поддерживаемым США для борьбы с ДАИШ. Однако усиление курдских ополченцев обеспокоило Анкару, считавшую, что СДС станет «дочерней компанией» РПК.

Третий фактор, влияющий на политику Турции, — приток беженцев из Сирии. Согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев по состоянию на 16 августа 2018 г., в результате затяжной войны в Сирии около 5 184 000 людей стали беженцами¹⁴.

Обострение отношений привело к тому, что турецкие власти в январе 2016 г. заявили о намерении бойкотировать женевские мирные переговоры по Сирии, если на них будут приглашены курдские представители. В результате лидер РYD — Салах Муслим не получил приглашения на эту встречу.

В начале 2016 г. курды Сирии продолжили продвижение по направлению к Евфрату вдоль турецкой границы. Расширение их влияния могло привести к слиянию территории курдских кантонов Африн и Кобани. Анкара, выступая против такого усиления позиции курдов, обвинила их в намерении изменения демографической структуры в свою пользу, что способствовало бы вытеснению арабской и туркменской (туркоманской) частей населения из регионов, прилегающих к сирийско-турецкой границе. Власти Турции продолжали заявлять о необходимости создания буферной зоны вдоль границы с сирийской территорией.

Обвинив сирийских курдов в нападении на турецкий пограничный пункт, турецкая артиллерия 13 февраля 2016 г. начала наносить удары по позициям курдов. Кроме того, власти Турции

Pulse of the Middle East. November 24, 2015. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/11/iraqi-kurdistan-turkey-akp-pkk-conflict.html> (accessed: 25.08.2018).

¹⁴ См.: Syria Regional Refugee Response // UNHCR website. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria> (accessed: 26.08.2018).

заявили, что теракт 17 февраля 2016 г. в Анкаре, жертвами которого стали около 30 человек, был организован сирийскими курдами. Курды опровергают эти обвинения и заявляют о готовности противостоять любому турецкому вторжению на севере Сирии¹⁵.

Окончанием второго этапа сирийской курдской политики Турции можно считать создание курдской автономии в Сирии, которая с марта 2016 г. официально называлась не автономия Рожавы, а Федерация Северной Сирии, что стало новым вызовом.

Третий этап

Летом 2016 г. Турцию потрясли неожиданные события в виде неудачной попытки военного переворота. В ночь с 15 на 16 июля 2016 г. в Турции группа мятежников совершила попытку военного переворота. Утром 16 июля мятежные военные начали сдаваться. Власти Турции заявили, что попытка путча провалилась, и обвинили в организации мятежа оппозиционного исламского проповедника Фетхуллага Гюлена, проживающего в США.

Реджеп Тайип Эрдоган на фоне этих событий попытался изменить подход страны к сирийскому конфликту, оставив идею свержения Б. Асада. Соответственно, Анкара прекратила использовать риторику смены режима и начала более активно участвовать в борьбе против ДАИШ и курдских отрядов, а также согласилась участвовать в переговорах с Россией и Ираном для нахождения путей решения сирийского конфликта. Иными словами, Турция пересмотрела стратегические приоритеты, признавая, что свержение Б. Асада не следует рассматривать как главную цель в контексте борьбы с ДАИШ, которое представляет серьезную угрозу для Турции. Напротив, усиление РYД в Северной Сирии рассматривалось как угроза территориальной целостности Турецкой Республики.

Турция начала предпринимать необходимые шаги для углубления сотрудничества с ключевыми внешними игроками. Она продолжила процесс нормализации отношений с Израилем¹⁶,

¹⁵ История сирийских курдов. Досье // ТАСС. 20.02.2016. URL: <http://tass.ru/info/2685549> (дата обращения: 25.08.2018).

¹⁶ Отношения с Израилем пережили драматический спад после инцидента Мави Мармара в 2010 г. Кризис

уменьшила напряженность с Ираном и извинилась перед Россией за сбитый Су-24 [D'Alema 2017: 12]. На этом фоне ухудшались отношения с Европой и США. Президент Турции Р.Т. Эрдоган призвал своего американского коллегу Б. Обаму выдать Турции оппозиционного исламского проповедника — Фетхуллага Гюлена, которого турецкие власти обвиняли в организации мятежа.

Сближение с Москвой и Тегераном позволило Анкаре начать борьбу с ДАИШ и РYД одновременно. Наземная операция «Щит Евфрата» началась 24 августа. Широкомасштабную военную операцию начали ВС Турции и силы коалиции. Как утверждалось, операция проводилась для освобождения Джараблуса (города на севере Сирии) от боевиков террористической группировки ДАИШ¹⁷, но одна из основных целей военного вмешательства заключалась в стремлении вбить клин между курдами Сирии, которые надеялись контролировать этот район для создания связи между кантонами Африн и Кобани, обеспечивая таким образом «территориальную целостность» Рожавы. Хотя Дамаск, Москва и Тегеран официально критиковали турецкую инициативу, сложно представить, что Анкара начала свои действия без предварительной договоренности со всеми сторонами. В качестве доказательства служит тот факт, что сирийская армия и ее союзники ничего не предприняли, чтобы остановить Турцию.

Операция была объявлена завершенной 29 марта 2017 г. Турция заявила, что турецкие силы очистили от террористов 2015 кв. км территории, где разместилась Свободная сирийская армия. Турция также предупреждала, что если в дальнейшем что-то будет угрожать Турции, то она может возобновить военные действия¹⁸. Но ситуация вокруг Мандбиджа заблокировала действия турецких сил по расширению буферной

был частично разрешен только тогда, когда израильский премьер-министр Биньямин Нетаньяху согласился извиниться перед Р.Т. Эрдоганом после давления со стороны Вашингтона.

¹⁷ См.: Геворгян А. Кому выгодна операция «Щит Евфрата» // ИА REX. URL: <http://www.iarex.ru/articles/53020.html> (дата обращения: 27.08.2018).

¹⁸ См.: Yıldırım: Fırat Kalkanı Harekâtı sona erdi // GÜNDEM. March 29, 2017. URL: <https://www.dw.com/tr/y%C4%B1ld%C4%B1r%C4%B1m-f%C4%B1rat-kalkan%C4%B1-harek%C3%A2t%C4%B1-sona-erdi/a-38199641> (accessed: 28.08.2018).

зоны и движение их по западному берегу р. Евфрат к Ракке. Вероятно, проблема была в том, что в Мандбидж ввели американский спецназ в качестве миротворцев. Затем на юго-западе разместились так называемые сирийские пограничники, появились также российские военные. Анкара оказалась заблокированной [D'Alema 2017: 13—14].

В целях решения «курдской проблемы» почти год спустя Анкара начала в Сирии крупномасштабную военную операцию «Оливковая ветвь» против курдских военизированных формирований в районе сирийского города Африн. Турция официально объявила о своей главной и, возможно, согласованной с Москвой, Тегераном и Вашингтоном цели — создать 30-километровую зону безопасности и уничтожить там «террористические организации».

Атака на территории YPG последовала за жесткими высказываниями Р.Т. Эрдогана в адрес сирийского президента Башара Асада, свержения которого турецкий лидер добивается с начала сирийского кризиса. По словам турецкого лидера, терпеть Б. Асада в Сирии больше нельзя. «Как мы должны представлять себе будущее Сирии с президентом, который убил почти миллион своих сограждан?» — заявил президент Турецкой Республики¹⁹. Анкара таким образом предпринимала ответные шаги против намерения Вашингтона создать из курдских отрядов «силы безопасности границы» численностью 30 тыс. человек, которым предстояло предотвратить новые вспышки насилия со стороны террористов²⁰. Для Турции формирование таких отрядов является неприемлемым.

Заключение

Анализ процесса развития турецко-сирийских отношений после начала «арабской весны» и роль курдского фактора в этом контексте позволили разделить турецко-сирийские отношения на три основных этапа развития в контексте курдского

вопроса. Первый этап включает в себя исследование курдского вопроса с начала «арабской весны» до объявления сирийскими курдами о создании курдской автономии на севере Сирии. Второй этап развития характеризуется ужесточением политики Турции по курдскому вопросу, с одной стороны, и усилением позиции курдов — с другой. Начало третьего этапа обусловливается неудачной попыткой военного переворота в Турции и изменением американской политики Турции, которая способствовала усилению курдов на границе с Турцией. На этом этапе Турция перешла к военным операциям для борьбы с ДАИШ и курдскими отрядами PYD на территории Сирии.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Выстраивание региональной политики Турции в основном исходило из курдского вопроса. Курдский вопрос для Турции является не только внутривосточной, но и внешнеполитической проблемой. Несмотря на разногласия между курдскими партиями по всему региону, курдский вопрос носит региональный характер. Турция характеризовала свою борьбу с курдскими силами РПК как борьбу с террористическими силами. Курдский вопрос всегда лежал в основе взаимоотношений Турции с соседними государствами, где проживают курды (Сирия, Иран, Ирак).

Турции важно не допускать возможности курдской автономии на территории Сирии или Ирака, где Иракский Курдистан де-факто независим, что и подтвердили результаты референдума от 25 сентября 2017 г. Региональное правительство Курдистана имеет крайне серьезные намерения для приобретения де-юре независимости.

Усиление политических и военных движений сирийских курдов рассматривается Турцией как угроза национальной безопасности страны, а военные движения считаются террористическими.

В ходе сирийского кризиса Турция стремилась изменить баланс сил на Ближнем Востоке в пользу Турции. Турция также приложила большие усилия для создания так называемой «буферной зоны», которая имеет для Анкары стратегическое значение. Турция, создавая «буферную», подконтрольную ей территорию, стремится препятствовать созданию курдской автономии на границе с Турцией и иметь рычаги управления событиями в соседнем государстве.

¹⁹ Эрдоган назвал Асада террористом // Lenta.ru. 27.12.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/12/27/erdoganacused/> (дата обращения: 28.08.2018).

²⁰ См.: Erdoğan Accuses US of Planning to Form 'Terror Army' in Syria // The Guardian. January 15, 2018 URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/15/turkey-condemns-us-plan-for-syrian-border-security-force> (accessed: 28.08.2018).

Независимо от результатов завершения сирийской войны Турции нужна предсказуемая Сирия, без сильного курдского элемента.

В долгосрочной перспективе возможное признание в марте 2016 г. самопровозглашенного автономного управления, Федерации Северной Сирии, противоречит национальным интересам Турецкой Республики.

За последние 15 лет отношения между Турцией с Сирией кардинально изменились — от стратегического партнерства до военно-политической конфронтации. Несмотря на существующие противоречия, у Турции и Сирии имеются общие интересы, которые могут стать основой для восстановления взаимоотношений после окончания сирийского кризиса.

В заключение следует подчеркнуть, что сирийский кризис дал новый импульс и возможности для усиления позиций сирийских курдов, однако четко показал и проблемы на пути создания курдского государства. На современном этапе сохранение территориальной целостности Сирии позволяет в наибольшей степени учесть интересы всех сторон конфликта, в том числе и внешних.

Поступила в редакцию / Received: 19.10.2018

Принята к публикации / Accepted: 30.04.2019

Библиографический список

- Аватков В.А.* Курдская проблема на турецком поле // Вестник МГИМО-Университета. Серия: Политология. 2012. № 2 (23). С. 128—133.
- Аватков В.А.* Турецко-сирийское конфликтное взаимодействие в глобальном контексте: из 2011 г. в 2012 г. // Современный Ближний Восток — зона конфликтов: сборник научных статей. М.: МГИМО МИД России, 2012.
- Багдасаров С.А.* Ближний Восток. Перегрузка. М.: Издательство «Э», 2016.
- Вертяев К.В., Жигалина О.И., Иванов С.М.* Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии (Ираке, Турции, Сирии, Иране). М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
- Дюрре М.* Самоопределение курдов в Сирии: истоки, формы и международные перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 183—193. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-4-55-183-193
- Загорнова Е.В.* Курдский вопрос в Сирии // Восточный сборник Института востоковедения РАН. 2004. № 6. С. 182—191.
- Сулэйманов А.В.* Турецко-сирийские отношения: вчера и сегодня // Азия и Африка сегодня. 2015. № 12 (701). С. 32—38.
- Шореш А.* Сирийский кризис и курдский фактор // Свободная мысль. 2017. № 6. С. 165—174.
- Bishku M.B.* Turkish—Syrian Relations: A Checkered History // Middle East Policy. 2012. Vol. 19. P. 36—53. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2012.00546.x
- D'Alema F.* The Evolution of Turkey's Syria Policy // IAI Working Papers. 2017. P. 17.
- Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul, 2011. (На турецком яз.).
- Gunes C., Lowe R.* The Impact of the Syrian War on Kurdish Politics Across the Middle East // Chatham House, the Royal Institute of International Affairs. July 2015. URL: <https://syria.chathamhouse.org/assets/documents/20150723SyriaKurdsGunesLowe.pdf> (accessed: 17.09.2018).
- Halhalli B.* Kurdish Political Parties in Syria: Past Struggles and Future Expectations // Comparative Kurdish Politics in the Middle East / Ed. by E. Tugdar, S. Al. Springer International Publishing, 2018. P. 27—53. DOI: 10.1007/978-3-319-53715-3
- Hinnebusch R.* Back to Enmity: Turkey — Syria Relations since the Syrian Uprising // Orient, Journal of German Orient Institute. 2015. Vol. 56. No. 1. P. 14—22.
- Olson R.* Turkey — Syria Relations since the Gulf War: Kurds and Water // Middle East Policy. 1997. Vol. 5. No. 2. P. 168—193. DOI: 10.1111/j.1475-4967.1997.tb00272.x
- Öniş Z.* Turkey and the Arab Revolutions: Boundaries of Regional Power Influence in a Turbulent Middle East // Journal Mediterranean Politics. 2014. Vol. 19. No. 2. P. 203—219. DOI: 10.1080/13629395.2013.868392
- Phillips D.L.* The Kurdish Spring. A New Map of the Middle East. New Brunswick, New Jersey, 2015.
- Radpey L.* The Kurdish Self-Rule Constitution in Syria // Chinese Journal of International Law. Vol. 14. No. 4. December 2015. P. 835—884. DOI: 10.1093/chinesejil/jmv057
- Radpey L.* Kurdish Regional Self-rule Administration in Syria: A New Model of Statehood and its Status in International Law Compared to the Kurdistan Regional Government (KRG) in Iraq // Japanese Journal of Political Science. Vol. 17. No. 3. 2016. P. 468—488. DOI: 10.1017/S1468109916000190
- Stansfield G., Shareef M.* The Kurdish Question Revisited. Oxford University Press, 2017.

- Taşpınar Ö. Turkey's Strategic Vision and Syria // *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35. No. 3. P. 127—140. DOI: 10.1080/0163660X.2012.706519
- Բայբուրդյան Վ. Քրդական հարցի ներկա վիճակը և զարգացման միտումները // «Բաների Երևանի համալսարանի. Միջազգային հարաբերություններ, Քաղաքագիտություն» [Байбуртян В. Современное состояние и перспективы развития Курдского вопроса // Вестник Ереванского государственного университета. Серия: Международные отношения, Политология]. 2017. № 2 (23). С. 3—18. (На армянском яз.).

References

- Avatkov, V.A. (2012). Kurdish Issue on Turkish Field. *Vestnik MGIMO-University. Political Science*, 23 (2), 128—133. (In Russian).
- Avatkov, V.A. (2012). Turkish—Syrian Conflict Interaction in a Global Context: from 2011 to 2012. *The Contemporary Middle East — a Conflict Zone: Whole Edition of Scientific Articles*. Moscow: MGIMO MID Rossii publ. (in Russian).
- Bagdasarov, S.A. (2016). *Near East. Reboot*. Moscow: Izdatelstvo E publ. (In Russian).
- Bayburdyan, V. (2017). K'rdakan harts'i nerka vichaky yev zargats'man mitummery [The Current State and Prospects for Development of the Kurdish Issue]. *Banber Yerevani hamalsarani. Mijazgayin haraberut'yunner, K'aghak'agitut'yun* [Vestnik YSU.Politics], 2 (23), 3—18. (In Armenian).
- Bishku, M.B. (2012). Turkish—Syrian Relations: A Checkered History. *Middle East Policy*, 19 (3), 36—53. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2012.00546.x
- D'Alema, F. (2017). The Evolution of Turkey's Syria Policy. *IAI Working Papers*.
- Davutoğlu, A. (2011). *Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. Istanbul. (In Turkish).
- Dyurre, M. (2017). Self-Determination of the Kurds in Syria: Origins, Forms and International Prospects. *MGIMO Review of International Relations*, 55 (4), 183—193. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-4-55-183-193 (In Russian).
- Gunes, C. & Lowe, R. (2015). *The Impact of the Syrian War on Kurdish Politics Across the Middle East*. Chatham House, the Royal Institute of International Affairs. URL: <https://syria.chathamhouse.org/assets/documents/20150723SyriaKurdsGunesLowe.pdf> (accessed: 17.09.2018).
- Halhalli, B. (2018). Kurdish Political Parties in Syria: Past Struggles and Future Expectations. In: Tugdar, E. & Al, S. (Eds.). *Comparative Kurdish Politics in the Middle East*. Springer International Publishing. P. 27—53. DOI: 10.1007/978-3-319-53715-3
- Hinnebusch, R. (2015). Back to Enmity: Turkey — Syria Relations since the Syrian Uprising. *Orient, Journal of German Orient Institute*, 56 (1), 14—22.
- Olson, R. (1997). Turkey — Syria Relations since the Gulf War: Kurds and Water. *Middle East Policy*, 5 (2), 168—193. DOI: 10.1111/j.1475-4967.1997.tb00272.x
- Öniş, Z. (2014). Turkey and the Arab Revolutions: Boundaries of Regional Power Influence in a Turbulent Middle East. *Journal Mediterranean Politics*, 19 (2), 203—219. DOI: 10.1080/13629395.2013.868392
- Phillips, D.L. (2015). *The Kurdish Spring. A New Map of the Middle East*. New Brunswick, New Jersey.
- Radpey, L. (2015). The Kurdish Self-Rule Constitution in Syria. *Chinese Journal of International Law*, 14 (4), 835—841. DOI: 10.1093/chinesejil/jmv057
- Radpey, L. (2016). Kurdish Regional Self-rule Administration in Syria: A New Model of Statehood and Its Status in International Law Compared to the Kurdistan Regional Government (KRG) in Iraq. *Japanese Journal of Political Science*, 17 (3), 468—488. DOI: 10.1017/S1468109916000190
- Shoresh, A. (2017). The Syrian Crisis and the Kurdish Factor. *Svobodnaya mysl'*, 6, 165—174. (In Russian).
- Stansfield, G. & Shareef, M. (2017). *The Kurdish Question Revisited*. Oxford University Press.
- Suleymanov, A.V. (2015). Turkish—Syrian Relations: Yesterday and Today. *Asia and Africa Today*, 12 (701), 32—38. (In Russian).
- Taşpınar, Ö. (2012). Turkey's Strategic Vision and Syria. *The Washington Quarterly*, 35 (3), 127—140. DOI: 10.1080/0163660X.2012.706519
- Vertyaev, K.V., Zhigalina, O.I. & Ivanov, S.M. (2013). Political Processes in the Kurdish Areas of Western Asia (Iraq, Turkey, Syria, Iran). Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Геворгян Анна Гарнуковна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: gevorgyan-ag@rudn.ru).

About the author: Gevorgyan Anna Garnukovna — Assistant, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: gevorgyan-ag@rudn.ru).